

**Конвенция против пыток
и других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство видов
обращения и наказания**

Distr.
GENERAL

CAT/C/SR.726
25 June 2009

RUSSIAN
Original: FRENCH

КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК

Тридцать восьмая сессия

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О ПЕРВОЙ (ОТКРЫТОЙ) ЧАСТИ* 726-го ЗАСЕДАНИЯ,

состоявшегося во Дворце Вильсона в Женеве во вторник,
7 ноября 2006 года, в 10 час. 00 мин.

Председатель: г-н МАВРОММАТИС

СОДЕРЖАНИЕ

РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-
УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ

Первоначальный доклад Таджикистана

* Краткий отчет о второй (закрытой) части заседания издается под условным обозначением CAT/C/SR.726/Add.1.

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета. Они должны направляться в течение одной недели с момента выпуска настоящего документа в Секцию редактирования, комната E.4108, Дворец Наций, Женева.

Любые поправки к отчетам об открытых заседаниях Комитета на данной сессии будут сведены в единое исправление, которое будет издано вскоре после окончания сессии.

Заседание открывается в 10 час. 05 мин.

РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ (пункт 6 повестки дня)

Первоначальный доклад Таджикистана (CAT/C/TJK/1; HRI/CORE/1/Add.128)

1. *По приглашению Председателя таджикская делегация занимает места за столом Комитета.*
2. Г-н ХАМИДОВ (Таджикистан) благодарит Комитет за предоставленную делегации возможность вступить с ним в конструктивный диалог, который, как он надеется, положит начало продолжительному и плодотворному сотрудничеству. Он подтверждает приверженность Таджикистана защите прав человека и принципам международного права, в частности, запрету пыток. Таджикистан ратифицировал Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в 1994 году, когда в стране бушевала гражданская война и ее экономика находилась в упадке. Это была одна из первых мер, принятых правительством для того, чтобы постепенно привести страну к демократическому государству, уважающему права человека. Согласно Конституции, личная неприкосновенность гарантируется государством и никто не может быть подвергнут пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения. Таджикистан осуществляет реформу своей системы правосудия таким образом, чтобы укрепить независимость судебной власти и в целом повысить статус органов, отвечающих за применение законов, в целях обеспечения уважения прав и свобод всех лиц. Приведение в исполнение приговоров было приостановлено согласно закону № 45 от 15 июля 2004 года и закону № 46 от 15 июля 2004 года, вносящему изменения в Уголовный кодекс. В декабре 2003 года была принята четырехлетняя программа реформы системы таджикского уголовного правосудия, целью которой является смягчение наказаний, обеспечение уважения прав лиц, которым был вынесен обвинительный приговор, и улучшение условий содержания под стражей. Была начата реформа пенитенциарной системы с целью перевода ее из сферы полномочий министерства внутренних дел в сферу полномочий министерства юстиции. Эти примеры свидетельствуют об усилиях Таджикистана для целей постепенного приведения своего законодательства в соответствие с международными стандартами. Первоначальный доклад, представленный Комитету, охватывает период с 2000 по 2004 год. Он был подготовлен в сотрудничестве с многочисленными неправительственными организациями и максимально реалистично и полно отражает выполнение Таджикистаном положений Конвенции против пыток.

3. Г-жа ГАЕР (Докладчик по Таджикистану) выражает делегации признательность за обширный материал, представленный Комитету в первоначальном докладе, и демонстрируемое им стремление к объективной подаче информации. Она хотела бы получить уточнения относительно того, каким образом правительство сотрудничало с неправительственными организациями при подготовке этого доклада. Она выражает сожаление в связи с тем обстоятельством, что в докладе приведены факты лишь с 2000 года, а не с 1995 года, когда Конвенция против пыток вступила в силу в Таджикистане. Она отмечает многочисленные трудности, с которыми столкнулась страна в результате гражданской войны и ее последствий, а также то, что государство-участник, согласно статье 2 Конвенции, признает, что никакие обстоятельства не оправдывают пыток. Она осведомляется, распространяется ли амнистия, объявленная после окончания конфликта, и на преступления, заключающиеся в применении пыток, и, в случае положительного ответа на этот вопрос, указать, сколько лиц, совершивших подобные преступления, было амнистировано.

4. В своем базовом документе (HRI/CORE/1/Add.128) государство-участник указывает, что вопросы защиты прав человека находятся, в частности, в ведении Конституционного суда, Прокуратуры и министерства юстиции, но также и в ведении министерства безопасности, обеспечивающего безопасность личности, ее прав и свобод, регламентированных Конституцией и законами Республики Таджикистан, общепризнанными нормами международного права (пункт 59). В первоначальном докладе не уточняется, какую роль играет Министерство безопасности в осуществлении положений Конвенции против пыток, а также характер его отношений с другими министерствами, обязанности которых связаны с правами человека. Было бы интересно услышать объяснения делегации по этому вопросу. Кроме того, в пункте 47 базового документа указывается, что судьи назначаются и освобождаются президентом по представлению Совета юстиции. Было бы полезно узнать, как назначаются члены Совета юстиции и как обеспечивается его независимость.

5. В пункте 1 доклада говорится, что совершенствование законодательства Республики Таджикистан ведется в соответствии с конституционным принципом, утверждающим приоритет прав человека. Было бы интересно узнать, как этот принцип воплощается на практике. Кроме того, хотелось бы получить обновленную информацию, касающуюся ведущейся реформы законодательства. Статья 10 Конституции, первая статья Уголовного кодекса и статья 4 закона о международных договорах указывают, что в случае конфликта между национальным законодательством и международно-правовыми актами вторые имеют приоритет (пункты 3, 24 и 97 доклада). Применяются ли эти положения на практике?

6. Статья 117 Уголовного кодекса запрещает применение пыток, которые она определяет как причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях (пункт 12). Таким образом, она не ограничивает понятие пытки действиями, совершаемыми государственными должностными лицами при исполнении их официальных обязанностей. Однако на практике, как представляется, государственные должностные лица подвергаются санкциям исключительно за действия, совершаемые ими при исполнении своих обязанностей. В этом контексте, как представляется, привлечение к уголовной ответственности государственных должностных лиц за применение пыток согласно статье 117 Уголовного кодекса не гарантируется. Соответственно было бы полезно узнать, применялись ли согласно этой статье санкции к государственным должностным лицам и, в случае утвердительного ответа на этот вопрос, в скольких случаях. Кроме того, как представляется, во многих случаях к государственным должностным лицам применялись санкции согласно статье 316 (касающейся злоупотребления полномочиями) и статье 354 (касающейся принуждения к даче показаний лицом, производящим дознание, предварительное следствие или осуществляющим правосудие) (пункт 29). Было бы полезно узнать, как часто эти положения применялись в судах для целей применения санкций в отношении государственных должностных лиц; кроме того, если соответствующие положения использовались, просьба уточнить, какие санкции за этим последовали. Кроме того, определение пытки, приведенное в Уголовном кодексе, не охватывает все мотивы, присутствующие в первой статье Конвенции, в частности мотив дискриминации. Как учитывается этот аспект государством-участником при применении запрета пыток?

7. Конституция гарантирует право задержанных на помощь адвоката с момента задержания (пункт 8 доклада). Было бы полезно получить уточнения относительно того, когда именно лицо считается задержанным, а также относительно методов, обеспечивающих доступ к адвокату на практике. Согласно докладу (пункт 44) судебные органы должны принимать решение в течение трех дней с момента получения рапорта о начале дознания, или, в исключительных случаях, в течение 10 дней. Что следует понимать под исключительными случаями, в которых возможна такая задержка процедуры? Кроме того, в докладе используются выражения "дознание" и "предварительное следствие". Идет ли речь о двух различных процедурах? В случае утвердительного ответа на этот вопрос просьба предоставить сведения о порядке их применения.

8. В пункте 29 доклада содержится перечень преступлений, совершение которых влечет за собой применение мер по борьбе с пытками и другими видами бесчеловечного обращения и наказания. Было бы интересно узнать, сколько лиц было привлечено к

ответственности и признано виновными в связи с каждым из этих преступлений и как много среди них государственных должностных лиц.

9. Отмечая, что, согласно статье 70 Уголовно-процессуального кодекса, признательные показания могут служить основанием для предъявления обвинения только в том случае, когда они подкреплены всей совокупностью доказательств, доступных в рамках судебной процедуры, г-жа Гаер изъявляет желание узнать, как это положение применяется на практике, учитывая, что обвинения иногда оказываются основанными лишь на признаниях подозреваемого. Она также хотела бы узнать, как судебные органы проверяют законность получения признательных показаний, привлекались ли уже государственные должностные лица к ответственности за то, что опирались исключительно на признательные показания, и были ли на основании этого оправданы обвиняемые.

10. Что касается обучения медицинского персонала, обеспечивающего уход за задержанными и подозреваемыми, г-жа Гаер просит таджикскую делегацию указать, принесли ли результат восемь учебных семинаров, организованных Швейцарским агентством по развитию и сотрудничеству с целью устранения пробелов в этой области (пункт 163 доклада), и намереваются ли государственные органы принять необходимые меры для закрепления такого обучения в законодательстве и создания условий для его систематического проведения. Кроме того, Докладчик спрашивает, существует ли статистические данные, показывающие, насколько часто в местах содержания под стражей проводятся медицинские обследования, какие задержанные их проходят и выявлялись ли в ходе подобных обследований признаки применения жестокого обращения или пыток. Было бы интересно узнать, прерывают ли судьи судебные процедуры, когда непосредственно или на основании медицинского освидетельствования устанавливают, что к подозреваемому применялись незаконные методы допроса.

11. Кроме того, г-жа Гаер хотела бы получить уточнения относительно способов использования государством-участником электронных и традиционных средств массовой информации для выявления лиц, применяющих пытки, и критики незаконных действий, как это указывается в докладе (пункт 65). С этой целью она предлагает таджикской делегации описать дела, приведенные в качестве примера. Кроме того, она хотела бы узнать, получают ли подозреваемые, помещенные под стражу, незамедлительный доступ к адвокату, врачу или членам своей семьи, если они того требуют, и предусматривает ли уголовное право санкции в отношении государственных должностных лиц, препятствующих обеспечению такого доступа. В случае утвердительного ответа на этот вопрос она просит привести примеры применения таких санкций. Также было бы

интересно узнать, составляются ли в отделениях милиции реестры, содержащие всю информацию, касающуюся помещенных под стражу лиц.

12. Согласно докладу Государственного департамента Соединенных Штатов Америки о ситуации с правами человека в Таджикистане, число смертных случаев среди лиц, находящихся под стражей, чрезвычайно велико. Учитывая отсутствие каких-либо сведений по этому вопросу в докладе государства-участника, г-жа Гаер просит таджикскую делегацию указать, ведется ли официальная статистика, касающаяся смертных случаев во время содержания под стражей, и проводились ли расследования для определения причин этих смертей, уточнив также, к каким результатам приводили такие расследования. В этой связи она так же хотела бы узнать, намеревается ли Таджикистан присоединиться к Факультативному протоколу Конвенции против пыток, какой государственный орган правомочен разрешать тем или иным неправительственным организациям посещать тюрьмы, и какими критериями он руководствуется при выборе соответствующих организаций. Кроме того, г-жа Гаер хотела бы узнать, имели ли место случаи, когда международные инстанции, такие как Специальный докладчик по вопросу о пытках или Рабочая группа по произвольным задержаниям, просили у таджикских властей разрешения на осуществление визитов тюрем. Кроме того, она просит сообщить, содержится ли в законе № 46 от 2004 года, вносящем изменения в Уголовный кодекс, определение пытки, соответствующее приведенному в первой статье Конвенции. Она также хотела бы узнать, присутствует ли в национальном законодательстве статья, прямо запрещающая ссылку на приказ вышестоящего начальника для оправдания применения пыток.

13. Что касается ситуации в пенитенциарных учреждениях, то г-жа Гаер просит таджикскую делегацию описать роль, которую играют различные министерства в области надзора за положением в тюрьмах, и указать, какой государственный орган отвечает за инспекцию мест содержания под стражей. Она приветствовала бы представление информации о сексуальном насилии в тюрьмах, в частности, в тюрьмах для женщин, упомянутых таджикской делегацией. Комитету было бы полезно получить уточнения о числе поданных жалоб и узнать, если такие жалобы подавались, к каким результатам привели начатые по ним процедуры. Наконец, Докладчик хотела бы узнать, криминализируются ли в национальном праве насилие в семье и торговля людьми.

14. Что касается статьи 3 Конвенции, то г-жа Гаер не вполне понимает, как именно международно-правовые акты, ратифицированные Таджикистаном, могут непосредственно без принятия соответствующих внутренних законов, как это сообщается в докладе (пункт 97). Если это действительно так, то чем руководствуются суды при принятии решений о том, имело ли место нарушение статьи 3 Конвенции. Она просит

таджикскую делегацию привести примеры дел, в которых эта статья служила основанием для отказа в выдаче, и указать, имели ли таджикские власти возможность предоставить или потребовать дипломатические заверения, в частности, в случае Мухаммадрузи Искандарова, выходца из Таджикистана, который предположительно подвергся пыткам после того, как был тайно переправлен в Таджикистан из Москвы. В связи с этим Докладчик спрашивает, по каким критериям составляется список "безопасных" стран, и, с другой стороны, оценивался ли риск пыток в 2005 году, когда, по решению министерства безопасности, многие выходцы из Афганистана были высланы в их страну. Была ли у этих лиц возможность опротестовать законность этой меры в таджикских судах? Наконец, г-жа Гаер спрашивает, как таджикские власти сотрудничают с Управлением Верховного комиссара по делам беженцев в области приема беженцев в приграничных зонах и какие меры принимаются для того, чтобы гарантировать соблюдение положений статьи 3 Конвенции в процессе обращения с этими лицами.

15. Что касается статьи 4 Конвенции, то Докладчик хотела бы узнать, попадают ли акты дедовщины в область применения статьи 354 Уголовного кодекса, или они наказуемы согласно другим нормам, и какой государственный орган обладает полномочиями отслеживать такие проявления и привлекать к ответственности виновных. Она также спрашивает, почему в делах, упомянутых в пункте 115 доклада, соответствующим лицам были предъявлены обвинения в нарушении статей 314 и 316 Уголовного кодекса, касающихся злоупотребления полномочиями, хотя их действия, как представляется, подпадают скорее под сферу действия статьи 117 указанного кодекса, касающейся жестокого обращения. В частности, говоря о деле *С. К. Чалишева*, г-жа Гаер просит делегацию уточнить, в рамках какой статьи Уголовного кодекса это лицо было осуждено на 25 лет лишения свободы.

16. Констатируя, что статья 354 Уголовного кодекса касается только следственных судей, Докладчик просит таджикскую делегацию указать, какие нормы национального права применяются к другим государственным служащим. Было бы полезно узнать, проходят ли сотрудники сил охраны правопорядка систематическую проверку при возобновлении их мандата, проводимую независимым органом. Она бы приветствовала представление статистических данных о числе нарушений статей Уголовного кодекса, указанных в пунктах 106 и 107 доклада, и о числе случаев, когда было возбуждено преследование, с указанием его результата и назначенного наказания, если оно было назначено. Говоря о трех делах, рассматривавшихся Комитетом по правам человека во время рассмотрения доклада Таджикистана, в которых сотрудники милиции были привлечены к ответственности в связи с применением силы для получения признательных показаний от подозреваемых (см. ССР/С/ТЖК/СО/4/Add.1, пункт 11), г-жа Гаер выражает

желание узнать, к какому результату привели начатые процедуры и был ли возмещен ущерб жертвам.

17. Что касается статьи 5 Конвенции, то Докладчик спрашивает, пользуются ли таджикские суды ее положениями для осуществления универсальной юрисдикции. Что касается статей 6-9 Конвенции, то она просит таджикскую делегацию привести примеры выдачи лиц странам, с которыми Таджикистан заключил двусторонние соглашения о выдаче, и указать, учитывались ли перед высылкой риски пыток. Что касается сотрудничества между судебными органами, то было бы интересно узнать, предусмотрены ли какие-либо гарантии для охраны задержанных лиц и помощь какого характера Таджикистан просит или предоставляет странам, с которыми он заключил договоры о правовой помощи.

18. Г-н КОВАЛЕВ (Содокладчик по Таджикистану), отмечая на основании базового документа, что вопрос защиты прав человека находится в области компетенции Конституционного суда (HRI/CORE/1/Add.128, пункт 55), хотел бы, чтобы таджикская делегация уточнила, какую роль играет этот орган, а также привела конкретные, подкрепленные статистическими данными примеры рассматриваемых им ходатайств. Говоря о пункте 63 того же документа, Содокладчик осведомляется, могут ли положения международно-правовых актов, участником которых является Таджикистан, непосредственно применяться судами. Необходимы уточнения относительно того, как именно эти договоры включены в национальное законодательство.

19. Что касается пункта 33 доклада государства-участника, то г-н Ковалев хотел бы узнать, в каких случаях лицо помещается в предварительное заключение по решению суда, а в каких – с разрешения прокурора. По сообщениям неправительственных организаций, судьи часто принимают решения об освобождении подозреваемых за отсутствием доказательств, но исполнение этого решения немедленно приостанавливается органами прокуратуры, которые обладают полномочиями принимать такие меры в соответствии со статьей 41 Конституционного закона. Таджикскую делегацию просят высказаться по этим сообщениям и указать, всем ли участникам процедуры обеспечено равноправие в судебной практике.

20. Согласно статье 49 таджикского Уголовно-процессуального кодекса, все подозреваемые имеют право на помощь адвоката непосредственно с момента помещения под стражу. Однако в действительности, по информации от неправительственных организаций, для этого необходимо получение специального разрешения от лица, проводящего дознание. Просьба сообщить, как в действительности обстоит дело, учитывая, что тот факт, что находящееся в заключении лицо лишено помощи адвоката,

увеличивает риск применения пыток или жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения? Что касается статьи 16 Конвенции, г-н Ковалев хотел бы, чтобы таджикская делегация описала меры предупреждения жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, принимаемые государством-участником, учитывая, что Международному комитету Красного Креста было отказано в доступе в места содержания под стражей.

21. Г-н ГРОССМАН хотел бы узнать, применяется ли определение пытки, приведенное в статье 117 Уголовного кодекса, к государственным должностным лицам, и интересуется, выносились ли уже судами обвинительные приговоры по этой статье. Он также хотел бы узнать, располагает ли делегация статистическими данными относительно привлечения к ответственности по статье 45 Уголовного кодекса, касающейся правонарушений, совершенных в ходе выполнения приказов или указаний вышестоящих начальников. Кроме того, он осведомляется, проводятся ли по сообщениям о насилии в отношении женщин систематические или специальные расследования. Кроме того, подчеркивая, что ряд развивающихся стран выделяют все больше средств на борьбу с торговлей женщинами и детьми, он просит делегацию предоставить информацию обо всем комплексе мер, принимаемых Таджикистаном для борьбы с этим феноменом. Отмечая в связи со статьей 4 Конвенции, что жертвы пыток иногда вынуждены в течение многих лет ожидать возмещения ущерба, он спрашивает, существует ли срок давности для актов пыток, совершенных государственными должностными лицами.

22. Напоминая, что Комитет по правам человека в 2003 году заключил, что восемь граждан Таджикистана стали жертвами пыток со стороны сотрудников милиции, г-н Гроссман просит делегацию указать, были ли по этим делам начаты расследования, были ли привлечены к ответственности соответствующие государственные должностные лица и, в случае утвердительного ответа на последний вопрос, сообщить, были ли им вынесены обвинительные приговоры. Г-н Гроссман также хотел бы узнать, имеют ли возможность лица, которые были задержаны или привлечены к ответственности по статье 6 Конвенции, воспользоваться услугами переводчика. Кроме того, он просит делегацию уточнить, был ли г-н Мухаммадрузи Искандаров возвращен Российской Федерацией Таджикистану в 2005 году в рамках договора о выдаче. Г-н Искандаров утверждал, что подвергся пыткам, и г-н Гроссман хотел бы также узнать, были ли проверены эти утверждения.

23. Подчеркивая важность медицинских освидетельствований задержанных (пункт 169 доклада), г-н Гроссман спрашивает, обнаруживались ли в ходе их проведения признаки жестокого обращения и возбуждалось ли преследование в отношении виновных.

24. Отмечая, что за период 2000-2004 годов в отношении сотрудников правоохранительных органов Республики органами прокуратуры были направлены свыше 70 представлений за допущенные нарушения закона при задержании и аресте граждан (пункт 216 доклада), г-н Гроссман хотел бы получить уточнения относительно мер, принимаемых по этим представлениям, и, в частности, узнать, приводили ли они к возбуждению расследований, привлечению к ответственности и, в конечном итоге, к вынесению обвинительных приговоров.

25. Что касается статьи 13 Конвенции, то г-н Гроссман хотел бы узнать, располагает ли Таджикистан необходимыми средствами для того, чтобы защищать истцов и свидетелей против любых видов жестокого обращения и запугивания; он также интересуется, сталкивались ли государство-участник с какими-либо трудностями в этой области. Наконец, он просит таджикскую делегацию прокомментировать соображения Комитета по правам человека и Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов, согласно которым заявления, полученные под пытками, принимались в качестве доказательств в рамках судебной процедуры. Если делегация подтвердит, что такие факты имели место, то г-н Гроссман хотел бы узнать, принял ли Таджикистан меры для того, чтобы подобные ситуации более не повторялись.

26. Г-н МАРИНЬО МЕНЕНДЕС просит делегацию уточнить, могут ли задержанные лица или лица, которым был вынесен обвинительный приговор, содержаться в одиночном заключении. Касаясь независимости судебной власти, он хотел бы получить уточнения относительно условий доступа к должности судьи, а также более подробную информацию о введущейся реформе на различных этапах уголовной процедуры. Касаясь статьи 3 Конвенции, он отмечает, что Таджикистан ратифицировал Женевскую конвенцию от 1951 года, касающуюся статуса беженцев и апатридов, и Нью-йоркский протокол от 31 января 1967 года, и что эти договоры являются составной частью таджикского права. Между тем он осведомляется, существует ли в Таджикистане закон о статусе лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища. Кроме того, он хотел бы узнать, рассматриваются ли в индивидуальном порядке ходатайства о предоставлении убежища, поданные группами лиц, происходящих из соседних стран. Отмечая, что лицо, ожидающее высылки, может опротестовать законность решения о высылке в суде (пункт 101 доклада), он хотел бы узнать, имеет ли это средство правовой защиты приостанавливающую силу. Кроме того, г-ну Гроссману хотелось бы, чтобы делегация уточнила условия применения Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 года, упоминаемой в пункте 228 доклада. Касаясь статьи 5 Конвенции, касающейся универсальной юрисдикции, он спрашивает, может ли таджикский закон применяться к иностранцу, находящемуся на территории Таджикистана, виновному в совершении актов

пытках за пределами страны. В этом отношении он напоминает, что, согласно Конвенции, когда подобное лицо оказывается на территории государства-участника, последнее должно привлечь его к ответственности или выдать его. Кроме того, обращая внимание на тот факт, что согласно пункту 169 доклада задержанные могут пройти медицинское освидетельствование только в том случае, если существует подозрение, что они подверглись пыткам, он спрашивает, предусматривается ли таджикским законодательством регулярное медицинское освидетельствование.

27. Г-жа СВЕОСС приветствует то обстоятельство, что, согласно закону "О психиатрической помощи", гражданам Таджикистана, страдающим психическими расстройствами, предоставляется медицинская и социальная помощь. Вместе с тем она спрашивает, обладают ли страдающие психическими расстройствами лица, помещенные в больницу, доступом к механизмам подачи жалоб в случае нарушения их прав, подобно всем остальным гражданам Таджикистана. Отмечая, кроме того, что из-за гражданской войны многие дети попали в детские дома, она спрашивает, сколько детей все еще остается в таких учреждениях и в каких условиях они там живут. Ссылаясь на утверждения о том, что эти дети подвергаются унижениям и психологическому насилию, она просит делегацию уточнить, намерен ли Таджикистан запретить или внести в число противоправных деяний телесные наказания. Что касается статьи 14 Конвенции, то она приветствует стремление Таджикистана внимательно изучить вопросы, касающиеся возмещения ущерба жертвам пыток, и спрашивает, предусмотрены ли для них также и реабилитационные меры.

28. Г-жа БЕЛЬМИР хотела бы получить разъяснения о статусе и роли военных судов. Отмечая, что таковые, в принципе, относятся к чрезвычайным судебным структурам, она удивлена тем обстоятельством, что их причисляют к обычным органам судебной власти, тогда как согласно сведениям, представленным в базовом документе, создание чрезвычайных судов запрещено.

29. Кроме того, она просит представить уточнения относительно полномочий прокурора, который, как можно заключить, не входит в состав судебной власти, так как его решения могут опротестовываться только другим, вышестоящей прокурорской инстанцией. В частности, он высказывает обеспокоенность в связи с соблюдением судебных гарантий и права на справедливой и публичный судебный процесс.

30. В докладе говорится, что лица, которым был вынесен обвинительный приговор, не могут подвергаться ни пыткам, ни медицинским или научным опытам. Помимо этого запрета, существуют ли случаи, в которых обвинительный приговор может привести к покушениям на физическую неприкосновенность?

31. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ благодарит делегацию за весьма исчерпывающий обзор многочисленных мер, принятых для поощрения и защиты прав человека в Таджикистане. В настоящий момент было бы полезно, если бы делегация описала Комитету, как обстоит дело на практике, проиллюстрировав свои комментарии конкретными примерами. Кроме того, было бы весьма желательно, чтобы в своем устном выступлении делегация охватила весь рассматриваемый период (то есть с начала 1995 года), так как сведения, приведенные в первоначальном докладе, охватывают только период с 2000 по 2004 год. Комитет сможет назначить дату представления второго периодического доклада только после того, как получит эту дополнительную информацию.

32. Делегация, возможно, заметила, что многие из заданных вопросов связаны с независимостью судебной власти. В этой связи она могла бы, в частности, представить информацию, касающуюся мандатов судей, ограниченный срок полномочий которых может служить препятствием для независимости магистратуры, обычно гарантируемой принципом несменяемости. Другим важным вопросом является возможность применения международных договоров, участником которых является Таджикистан, в национальных судах. Хотелось бы, чтобы делегация привела примеры дел, в которых Конвенции придавалось приоритетное значение по сравнению с национальным законодательством.

33. Председатель напоминает, что у делегации есть 24 часа на подготовку своих ответов; обсуждение, касающееся Таджикистана, возобновится на следующий день.

34. Г-н ХОДЖАЕВ (Таджикистан) благодарит членов Комитета за высказанные ими соображения и поставленные вопросы и заверяет их, что делегация сделает все возможное для того, чтобы достойно справиться с поставленной перед ней задачей и представить Комитету как можно более полные ответы.

Открытая часть заседания закрывается в 12 час. 25 мин.
